

Государство Тун. Резиденция Хэцин.

Цин Чжан отложил только что полученное от Чан И тайное послание и с серьёзностью о чём-то задумался.

Он с Ло Цяньцянь договорился: через месяц, после дня рождения правителя Тун, Цин Дина, они начнут по-настоящему действовать, — и отправил несколько секретных посланий Чан И, где приказывал женщине продолжать давать Цин Ли одурманивающие пилюли, а также как следует при удобном случае, нагоняя ветер, разводить огонь[1], взращивая в сердце наследного принца непоколебимую ненависть к Фэн Мину.

И, конечно же, самое важное — мастерски намекнуть Цин Ли, что в день рождения его отца-правителя на церемонию явится лично Фэн Мин, что будет наилучшим моментом для убийства князя в отместку за смерть тунского правителя.

Изначально Чан И управлялась с делом куда эффективнее, пленив Цин Ли настолько, что последний позабыл даже собственную фамилию, не говоря уже о своём роде и жизни. По сути, дело должно было исполняться так же легко, как перевернуть руку ладонью вверх. Однако из полученного письма Чан И стало ясно, что задуманное продвигается не столь успешно, как ожидалось. Во дворце Тунъань обстановка быстро менялась, создавая крайне скверное впечатление.

Беременность Чан Лю нанесла неожиданный и сильный удар по Чан И, а следом Цин Ли вновь сблизился с принцессой, тем самым отношения с Чан И претерпевали явные и постепенные изменения.

Нельзя сказать, что Чан И уже потеряла расположение принца, который больше не вёл себя покорно, как прежде, но также Чан И доложила, что Цин Ли хоть и слушает её слова, однако недавно дело дошло даже до злости — принц ни с того ни с сего рассердился на женщину.

Во всяком случае сейчас Чан И больше напоминала муравья, попавшего на горячую сковороду[2], и по отношению к Цин Ли, чьё настроение менялось, словно мерцание — то ярко сияло, то мрачнело — испытывала некую робость, можно сказать, даже побаивалась его.

Пребывая во дворце Тунъань, где вся её власть зависела от Цин Ли, Чан И испытывала беспокойство, ведь те немногие из её людей, коих ей удалось внедрить в стены дворца, провели в нём мало времени и в случае вспышки мятежа сказать ничего не могли, а если по чистой случайности Цин Ли утратит к ней, Чан И, интерес, даже заподозрив что-то, тогда куда деваться и откуда брать деньги?

В итоге, после прочитанного, на лице старого лиса[3] появилась шелковинка настороженности.

Плохо дело.

Скоро нужно действовать, а таящаяся во дворце Тунъань важная крошечная пешка неожиданно сталкивается с возникшим препятствием, к тому же тон в письме Чан И смутно выдавал страх и обеспокоенность. Женщина есть женщина, обычно она казалась сообразительной, но стоило важному делу зависнуть над головой, как она тотчас же до ужаса испугалась.

Прочитав, Цин Чжан вновь внимательным взглядом скользнул по строчкам, и сердце охватил страх.

Ведь эта женщина — отнюдь не лишённая твёрдости духа особа, однако, несмотря на свою полезность в качестве «расходного материала», ей всё же нельзя было чрезмерно доверять. Если по чистой случайности она при возникновении какой-либо угрозы может выдать с головой как себя, так и кого-нибудь ещё — а под допросом с применением жестоких пыток каждый способен глотку другому разорвать, лишь бы спасти свою шкуру — разве тогда Цин Чжан не навлечёт на себя беду?

Подослать лазутчика[4] во дворец наследного принца, да ещё соблазнить и «кормить» пилюлями, что отнимают рассудок, Его Высочество, который, по крайней мере в будущем, должен стать правителем Тун и носить имя Его Величество Цин Ли, — подобное обвинение распространяется даже на царствующего дядюшку Цин Чжана, и он не в силах будет его оспорить.

Нечего и говорить, что, несмотря на довольно неплохие отношения между Цин Чжаном и Чжуан Пу, который непоколебимо предан правящему роду, их дружба могла прекратиться в одночасье, и тогда придворный генерал, возглавив многочисленную армию, мог окружить резиденцию Хэцин, чтобы впоследствии свести счёты с обвинённым в посягательстве на жизнь принца Цин Чжаном.

Чем больше мыслей крутилось в голове, тем сильнее возникало желание поскорее встретиться с Чан И.

Перед тем, как успешно уничтожить с корнем князя Мина с Цин Ли, по-видимому, нужно приложить ещё больше усилий в отношении этой основной пешки, тем самым позволив ей спокойно выполнять поручение, так будет лучше.

Поразмыслив с минуту, Цин Чжан, подняв кисть, написал ответное послание, после хорошенько запечатал его.

Хитро улыбнувшись, мужчина повернулся к стоящему позади подчинённому, служившему связующим звеном между Цин Чжаном и Чан И, со словами:

— Возьми это письмо и передай ей, да скажи: этот царствующий дядюшка лично хочет с ней увидеться. Так или иначе, пусть постарается как можно скорее под каким-либо предлогом выйти на прогулку.

В сравнении с охваченной беспокойством Чан И принцесса Чан Лю в последнее время чувствовала себя счастливо и беззаботно, казалось, подобное настроение достигло небес[5].

Где находился дедушка Цин Дин, по-прежнему никто не знал, да и следов никаких не было, но всё же в настоящее время обстановка в стране достаточно стабилизировалась.

Договорённость с князем Мином уже была достигнута, к тому же один из друзей Его Светлости, принц Хэ Ди, сейчас проживал во дворце Тунъань, в целом о бедах, грозящих извне, не стоило задумываться.

Что касается внутренних проблем, то благодаря маленькой жизни, внезапно появившейся в животе принцессы, Цин Ли в последнее время, казалось, сменил гнев на милость, во всяком случае, тень перемен уже мелькала.

Вполне очевидно, Чан Лю не питала чрезмерных надежд на то, что этот испорченный лисицей-оборотнем[6] супруг сможет из-за ребёнка мгновенно каким-то чудом измениться — стать заботливым и проявить благоразумие. В конце концов, ситуация в корне отличалась от прежней, когда он днями напролёт пребывал подле Чан И и совершенно не ступал во владения Чан Лю, сейчас то, что он согласился каждый день наносить визиты и трапезничать вместе с принцессой, уже считалось огромным шагом вперёд.

Жена принца беременная — не какой-то пустяк.

Тун, по крайней мере, присылал принцессе придворных лекарей, которые каждый день проверяли пульс, варили лекарство, помогающее развиваться плоду. Разнообразные редкие и ценные снадобья непрерывно отправлялись во дворец Тунъань, под влиянием тщательного ухода и хорошего настроения животик Чан Лю хоть ещё не округлился, однако поясница уже слегка прогнулась, а на белоснежном лице проступил румянец.

Служанка Ши Минь, с которой у принцессы были наилучшие взаимоотношения, все эти дни напоминала белку в колесе, однако при всей своей занятости с её уст не сходила улыбка. Вернувшись с новостями из покоев, что занимали Цин Ли вместе с Чан И, девушка прильнула к уху принцессы и доложила обо всём подробно.

— Дни этой женщины во дворце, думаю, сочтены. По слухам, Его Высочество Цин Ли, вернувшись вчера вечером, неизвестно из-за чего ходил мрачнее тучи. Хоть он с ней и не ругался, но после купания Его Высочество сразу же уснул, не обращая на неё внимания. Но о том, чтобы совать нос в чужие дела, речи не было. Увы, досадно, сегодня утром эта женщина, взяв с собой приближённую служанку, разрыдалась в голос, и Его Высочество сразу смягчился.

Принцесса всерьёз задумалась на минуту, после сдержанно заметила:

— Нам не стоит слишком радоваться. Цин Ли вспыльчив не только по отношению к той женщине, вчера во время своего визита поначалу всё действительно шло хорошо, но потом Его Высочество зашумел, жалуясь на головную боль, и беспричинно разнервничался, и тоже при мне был мрачнее тучи. Я боюсь, что проблема всему как раз в применении тех лекарств, он каждый день их употребляет, не понимая, какой болью потом они ему отзываются. Советую ему не принимать их, а он, наоборот, ругается на меня, мол, суюсь не в своё дело.

На что Ши Минь со вздохом сказала:

— Принцессе не стоит печалиться, та женщина на протяжении нескольких месяцев спаивала Его Высочеству эти пилюли, и вдруг он захотел от них отказаться, да разве так просто?! Потерпите, когда появится ребёнок, сердце Его Высочества обратится к принцессе, и тогда принцесса своевременно уговорит его. Тем более, по-моему, в последнее время Его Высочество хоть и вспыльчив, постоянно жалуясь на головную боль, однако его глаза не такие безжизненные, чем прежде. Следовательно, улучшение есть.

— Надеюсь, — недоверчиво выплюнула Чан Лю, напряжение ушло со лба, и брови перестали хмуриться. — Со старыми приближёнными Цин Ли ты общаешься?

— Конечно, они обо всём знают, ах, им тоже не нравится та женщина, сдерживает лишь то, что Его Высочество души в ней не чаёт, поэтому они не смеют высказать свои истинные чувства, и всё. У Вашей служанки с ними договор: они часто при Его Высочестве должны расхваливать достоинства принцессы, каждое утро после умывания и причёсывания они, обступив Его Высочество, напоминают о визите к Вам. Ещё они по секрету сказали Вашей служанке, что Его Высочество однажды, болтая с той лисицей-оборотнем, нахваливал, насколько вкусны силэйские бараньи окорока, порубленные на куски.

— Э? — принцесса подняла взгляд. — Тогда быстро иди распорядись, чтобы повара приготовили, но силэйские блюда наш придворный повар навряд ли сможет так отменно приготовить, как в Силэй.

Понимающая с полуслова Ши Минь вспомнила:

— Тунцзэ такая большая столица, в ней всегда останавливаются один-два повара из Силэй, Ваша служанка выйдет из резиденции и разузнает, у какой знати прислуживают силэйские повара, а затем позаимствует кого-нибудь из них на сутки. — Однако, с улыбкой посмотрев на достаточно изящную Чан Лю, девушка воскликнула: — Принцесса в последнее время выглядит крайне изящной. Вашей служанке нужно отправиться в лавку Фуцимэнь за цветочными румянами, они должны быть уже готовы, Ваша служанка выйдет и тотчас же вернётся. Свежие ароматные румяна лягут на щёки, придавая красоту и благоухание. А ещё подчеркнут очень красивую кожу принцессы. — Ши Минь развернулась, готовая немедля отправиться за покупкой.

— Погоди. — Услышав про лавку и вспомнив тайный договор между ней и князем Мином, Чан Лю подозвала к себе Ши Минь и прошептала: — Есть ли какие-нибудь новости от князя Мина?

— Всё же ничего нет. Управляющий Ло направил людей к лавке Фуцимэнь, чтобы встретиться с Вашей служанкой, но те люди, вероятно, банда наёмников, от них веет холодом, и они неразговорчивы, расспросить о положении дел не получилось. Они, взяв из рук Вашей служанки письмо для князя Мина, сразу же развернулись и ушли, — недовольно сказала девушка, но затем вступилась за другую сторону, дав понять: — Если об этом прознает Его Высочество Цин Ли, принцессе трудно будет что-либо ему объяснить. Они так поступили, должно быть, из-за секретности.

Чан Лю, слегка свесив голову, задумалась.

Ши Минь успокаивала:

— По мнению Вашей служанки, насчёт дела Его Высочества Цин Ли и князя Мина принцессе больше не стоит беспокоиться. Во-первых, Его Высочество Цин Ли в последнее время сильно изменился, и принцессе стоит воспользоваться шансом его уговорить, кто знает, может, Его Высочество откажется от мысли уничтожить князя Мина. Во-вторых, даже если Его Высочество поддастся на провокации той женщины убить князя Мина, разве принцесса не описала положение вещей в письме, отданном банде головорезов Сяо? Князя Мина окружает множество мастеров меча, так что они способны гарантировать его безопасность.

— И то правда, — выпрямилась, разогнув спину, Чан Лю. Прижавшись к сделанному из сандалового дерева подлокотнику, она неспешно села, после минутной заминки женщина подняла голову и, глядя в окно, словно отпуская мысли, что взволновали душу, сдержанно улыбнулась: — Ты права, мне и впрямь не стоит столь сильно беспокоиться. Иди делай свои дела.

Отозвавшись согласием, девушка перед уходом настоятельно велела:

— Хоть тело принцессы испытывает неудобства, но всё же не стоит долго засиживаться целыми днями, нужно побольше двигаться, это ребёнку пойдёт на пользу.

Чан Лю, бросив на служанку взгляд, говорящий «снова ведёшь себя, как матушка», со смехом вернула:

— Хорошо, слушаюсь и повинуюсь. — И неторопливо поднялась на ноги.

Бросившись поддержать Её Высочество, девушка помогла аккуратно расправить длинный подол платья, что волочился сзади, а вскоре подозвала двух расторопных служанок, которые немедленно подхватили принцессу с двух сторон, позволяя опереться на себя.

— Далеко ли принцесса собралась пойти? — спросила Ши Минь.

Чан Лю невольно рассмеялась и, махнув носовым платком в лицо служанки, проговорила:

— Вокруг меня так много людей, а ты всё никак не успокоишься? Скорее иди справляться со своими делами. А я хочу встретиться с принцем Хэ Ди. Он целые дни проводит в покоях дворца Тунъань, а я лишь виделась с ним в первый день его приезда, когда поприветствовала его, что впрямь не гостеприимно с моей стороны. В последнее время столько беспокойства обрушилось на голову — то известие о беременности, то лекарства придворных лекарей — но сегодня, пользуясь выпавшим шансом и свободным временем, так или иначе хочу сходить проведать, заодно посмотреть, всё ли в порядке, нужно ли что. Иначе, боюсь, двор будет говорить, что я, ванфэй[7], совершенно не учтивая.

Будучи крайне прямолинейной перед своей госпожой, Ши Минь храбро проговорила:

— Как может принцесса быть такой чудной? Тот принц Хэ Ди непостижим, а его приближённый выглядит свирепым, ну а после того, как во дворец пожаловал присланный князем Мином какой-то посланник, покои стали такие, словно там проживает настоящий хозяин, а охраняться — ещё тщательнее, нежели царский дворец. Людям дворца Тунъань строго запрещается входить и выходить, как вздумается, даже еду вынуждены подносить до ворот, откуда её забирает даньлинский приближённый и относит принцу Хэ Ди. Тц-тц, где уж там пройти своевольному и безрассудному гостю? А если он осмелится упрекнуть принцессу в негостеприимстве, я отвечу, что он и его люди совершенно не понимают, что такое быть гостем.

Как бы там ни было, девушка всё же помогла принцессе, придерживая её, выйти на улицу и дойти до развилки, что тянулась из сада. Ши Минь дала наказ служанкам как можно тщательнее позаботиться о госпоже и только тогда со спокойным сердцем, развернувшись, направилась к большим воротам, а там и вовсе скрылась из виду.

Изящная Чан Лю, идущая во главе нескольких служанок, пошла поприветствовать Хэ Ди, до конца исполняя долг хозяйки правящего рода Тун. Женщина даже при желании не догадывалась, чем именно в данный момент занят гость, к которому она решила нанести визит...

На самом деле не только принцесса Чан Лю, пожалуй, даже Хэ Ди и во сне представить не мог, что однажды он, выдающийся даньлинский принц, вдобавок главарь морских разбойников, в конце концов будет вынужден мучительно подавлять свои желания.

Этот отвратительный мужчина, к порядочности которого Хэ Ди по-настоящему испытывал лютую ненависть, очевидно, обладал здоровьем, был полон сил и энергии, но кто бы мог подумать, что он ни разу не совокуплялся как с мужчиной, так и с женщиной, не хватало, чтобы и он, Его Высочество, тоже подобное терпел!

Родившийся в стенах императорского дворца, Хэ Ди вдоволь был окружен красивыми весенними пташками[8]. Этот человек, увенчанный царствующим ореолом, а в душе являясь порочным принцем морских разбойников, что ввергали в ужас людей, питал влечение к

красивому телу, совершенно не скрывая желания им обладать. Ведя себя фривольно и легкомысленно, Его Высочество почти ежечасно пребывал в компании красивых девушек и мальчиков, потому при малейшем возникновении желания он вкладывал в их руки возбуждённую плоть, требуя собственного удовлетворения.

В глазах принца, живя в таком мире, хранить девственность в свои двадцать с лишним лет было невообразимым. К тому же этот удивительный мужчина, как назло, попал в его слабое место, всколыхнув порочную натуру, которая, лишь заполучив, могла утихомириться. Хэ Ди желал его. Просто-напросто желал его!

С того дня, как увидел встревоженного лебедя[9] на палубе корабля, и до нынешнего момента, когда обманом заставил его стать своим особым посланником, накипевшее желание готово было породить крайне страшную морскую бурю — отчего Хэ Ди, в свою очередь, в глубине души изумился — вынуждая его, Его Высочество принца Хэ Ди, привыкшего с силой грабить и похищать, сейчас блуждать на грани счастья и мучения, и всё ради этого мужчины.

В конце концов, кто придумал правило, запрещающее насиловать пленных девственников, как вздумается? Будь проклято покровительство Хай Шэнь! Будь прокляты тридцать дней! К чему эти тридцатидневные мучения? По прошествии нескольких дней от накипевшего желания, что огнём обдавало нутро, глаза стали красными.

— Ты что делаешь? — вновь раздалось возмущённое сопротивление, вырывающееся за пределы опочивальни.

— Конечно же, помогаю тебе переодеться. — На лице всё так же застыла привычная улыбка, да и сам принц вёл себя, словно дурачился, однако никто не знал, что именно сейчас в жилах Хэ Ди тихое желание поднимало рёв.

— Я же говорил, что лучше я сам всё сделаю.

— Я тоже говорил, что тебе запрещается делать всё самому.

За последние несколько дней угрозы разорвать соглашение, тем самым навлекая на голову силэйского князя Мина беду, увенчались успехом, и до этого упорно сопротивляющийся Цзы Янь постепенно, понимая, что сопротивление повлечет тяжкие последствия, загнал себя в затруднительное положение, где был не в состоянии противиться. Сейчас, не имея верёвок на руках и ногах, генерал тем не менее не осмеливался применять силу, в итоге лишь злился на принца Даньлинь, чьё настроение менялось с каждой минутой. Цзы Янь только мог сверлить Хэ Ди яростным взглядом, а затем так же гневно тарачиться на его пальцы, что крепко сжимали запястье.

Однако противник по-прежнему испытывал голод, приблизившись на шаг, тем самым зажимая генерала между углом кровати и стеной. Его Высочество бесстыдно взялся за полы одежды Цзы Яня. Движения пальцев мужчины были невыносимо развратны.

— Что ты творишь?

— Забочусь о тебе. — Хэ Ди не сводил колкий взгляд с медовой кожи под своими пальцами.

Будучи таким же, как и Цзы Янь, и прячась под маской безразличия, Хэ Ди, опираясь на собственную выносливость, непрерывно контролировал сознание и ритм дыхания.

Лучше, если Цзы Янь ответит, это поможет сохранить хладнокровие.

Необходимое хладнокровие...

Совсем не волновало, если Цзы Яню станет известно о его намерении, Хэ Ди знал, насколько глубоко собственное желание: он напоминал обезумевшего зверя, который, стоило слегка ослабить оковы, тотчас же становился неуправляемым и, вырвавшись из сдерживающей его клетки, вгрызался в добычу, что находилась перед ним, поедая вместе с кожей и костями до тех пор, пока от жертвы ничего не останется.

Так поступать гораздо веселее, но, таким образом, можно нарушить принесённую морским духам клятву.

Дабы завершить священный ритуал и совокупиться с девственником, Хэ Ди поклялся Хай Шэнь, являвшейся самым непревзойдённым божеством в глазах морских разбойников, что будет воздерживаться от еды, омыв себя[10], воздерживаться от вкушения мяса, вина и плотских утех, заново возродит собственную чистоту, к тому же всем сердцем и всеми помыслами тщательно позаботится об этом девственнике, с которым собирался совокупиться, а в обмен Хай Шэнь благословит их жизнь.

Хоть изначально он и предполагал, что придётся себя сдерживать и терпеть, но этот тридцатидневный срок с каждым днём становился невыносимее.

Ограничилось бы всё запретом на мясо и вино, не более. Человеку, за годы привыкшему к разврату, внезапно запретить совокупление — вот уж действительно самое жестокое наказание.

Спустя несколько дней Хэ Ди наполнился энергией, излить которую был не в состоянии, она бушевала в жилах и венах, оставляя едва ощутимый запах крови, а столь долгое воздержание почти сводило Его Высочество с ума.

Поначалу Хэ Ди предполагал, что с помощью окружающих его красавиц получится контролировать чувства, вот только результат неожиданно оказался прямо противоположный: один стоящий перед ним парень[11], которым он хотел овладеть, усиливал в разы физический порыв. Этот мужчина одним своим совершенно неосознанным движением заставлял благородную кровь броситься в голову.

Так же, как и сейчас...

— Снова вертись, в таком случае этот принц не станет церемониться, — Хэ Ди с угрожающей интонацией обратился к пытающемуся повернуться к нему спиной Цзы Яню. Он распахнул полы верхней одежды в стороны, и ткань, скользя по волнительным изгибам живота и поясницы, упала к ногам.

Разгневанный генерал то и дело постоянно отворачивался в сторону, а на полном отваги лице проступал тёмно-алый румянец при мысли, что он обнажил перед этим ублюдком-принцем грудь, и парень процедил, скрежеща зубами:

— Ты настолько...

— «Насколько» что? — двусмысленно ухмыльнулся Хэ Ди.

— Распущенный!

— Ха. Тебе ещё не ведомо настоящее распутство. — Крайне подло воспользовавшись тем, что Цзы Янь не осмелится дать отпор, он приблизился ещё немного, специально позволяя собственной тени полностью накрыть обнажённую грудь «противника».

Потом, не гнушась собственного влияния, нещадно обманом схватил «вражеские» запястья и завёл их за спину. Тепло, осязаемое кончиками пальцев, доставляло принцу невыносимое наслаждение: такие сильные, привыкшие годами держать меч руки, сейчас были зажаты в его ладонях.

Его томительная похоть, казалось, благодаря небольшому издевательству немного высвободилась, настроение несколько улучшилось, и Хэ Ди, пользуясь собственным преимуществом, продолжил с силой выкручивать руки Цзы Яня.

Надёжно держа в руках этого здорового, как телом, так и духом, мужчину, в душе коего смешались возмущение, выказать которое не осмеливался, и упрямство, отражающееся в глазах, принц приложил ещё немного силы, вынуждая пристально смотреть в свои благородные светлые глаза. При виде проступивших чувств и осознания собственной слабости, а затем стыда и негодования, Хэ Ди испытал особое наслаждение.

— Умх... — когда пытка достигла пределов, едва слышный и наполненный болью стон скользнул с приоткрытых губ. Хэ Ди остановился. Он лишь чуть-чуть ослабил хватку, по-прежнему сжимая руки добычи.

Склонив голову, словно учуяв аромат лакомства, принц скользнул кончиком носа по соблазнительным ключицам.

Запах посягательства и разврата заполнил воздух.

— И впрямь удивительно, кто бы мог подумать, что такой упрямый мужчина, как ты, может так приятно пахнуть, — словно сетуя, прошептал Хэ Ди.

Повисло гнетущее напряжение, напоминавшее бесцеремонное посягательство самца на самку.

Всегда серьёзный Цзы Янь хоть и не предавался платоническим утехам, однако глядя на Жун Тяня с Фэн Мином, знал, что между мужчинами тоже может возникнуть постыдная близость, сейчас кроме гнева парень незаметно для себя слегка испугался. Чувствуя, как мурашки бегут по спине, Цзы Янь возразил:

— Тело мужчины пахнет только потом, какой ещё приятный запах?!

— Ты целыми днями пребываешь в комнате, откуда взятых запаху пота? — откровенно домогаясь, принц втянул носом воздух. — Крайне непорочный запах, только не испытывавший близости с мужчиной девственник может пахнуть так.

Волосы на теле резко встали дыбом, и, внезапно подавшись назад с желанием вырваться из-под контроля Хэ Ди, Цзы Янь отвернулся. Он обладал силой, однако принц превосходил его, и, пользуясь тем, что генерал повернулся к нему спиной и не твёрдо стоит на ногах, Его Высочество с быстротой тигра и волка[12] бросился на добычу и, со всей силы схватив парня за поясницу и привлекая к себе, вынудил застигнутого врасплох Цзы Яня свалиться на кровать.

Хэ Ди, не став упускать столь соблазнительный шанс, навалился сверху.

— Осмелился сбежать? Неплохо, но тогда весьма хлопотный посланник возьмёт разорванное соглашение и отвезёт своему любимому князю Мину.

Одна лишь фраза заставила ослабить сопротивление.

— Этот принц охотно заботится о тебе, считай это счастливой долей, пришедшей из прошлой жизни, но, оказывается, тебе всё ещё неизвестно чувство благодарности, — и на губах появилась холодная недовольная усмешка.

По-настоящему недовольная.

Этот не дающий себе отчёта мужчина не догадывался, насколько велика уступчивость Его Высочества.

Не обладай он достаточной выдержкой, не собираясь вновь ходить по морским просторам и не испытывая в душе благоговейного страха перед Хай Шэнь, то уже давно бы покрыл это гибкое,

полное соблазна тело своими отметинами.

— Я буду благодарен, если прекратишь подобную заботу.

— Ещё смеешь пререкаться со мной? — Прибегнув к силе собственного тела, принц всем весом прижал «противника», при этом коварно опустив голову.

На ничем не прикрытом торсе торчали маленькие жалкие горошинки, возмутительно непорочные и ни в чём не повинные, как можно было устоять перед соблазном разок помучить их?

Запах чистого мужского тела, ещё цвет кожи — в голове раздался оглушающий грохот, и выдержка едва не раскололась на куски. Дыхание участилось.

Прекрасно понимая, во сколько раз возрастёт мучение, если в результате дать волю рукам, Хэ Ди решил принять лучшее решение — сдержать коней на самом краю пропасти[13]. Однако принц всё же не смог устоять — припав к телу, он с жадностью вобрал в рот эту розовую «ягодку».

— Ах! — тело генерала забилося в крупной дрожи. Голова запрокинулась, из дрожащего горла вырвался лёгкий крик.

От мысли, что первым пробует этот «плод», глаза Хэ Ди ещё больше вспыхнули жаром. Выпустив изо рта розовый сосок и, словно признавая решение правильным, принц языком раз за разом скользил по его жемчужнообразной верхушке. Потребность делать это без перерыва охватила разум, превосходная сладость вызвала возбуждение. От подобного «цветочная почка», ни на волос не искушённая ласками, покраснелась и набухла, почти «расцветая», принц вновь хищно разомкнул губы и, полностью вобрав сосок, стал безжалостно сосать.

— Не надо! Ах... У-ум! — сопротивление под натиском столь беспощадной ласки звучало фальшиво. Кровь Цзы Яня хлынула по всему телу и прильнула к голове, которая отчаянно запрокидывалась назад, а самому генералу казалось, что всё его существо вот-вот вырвется из груди.

Он в течение долгих лет, терпя лишения, постигал правила искусства меча, ежедневно тренируясь, более того, в его жизни, помимо императорской воли и отличного владения мечом, других целей не существовало. Совокупление в его понятии хоть и не было чем-то порочным, но и не считалось чем-то увлекательным, на что стоило бы потратить своё время.

Однако губы этого человека, касавшиеся его тела уже четверть часа, были подобны пучине, в которую затягивало.

Цзы Янь не знал, что губы могут быть настолько чарующими, настолько невыносимыми в

сравнении с остриём меча, и, в конце концов, под их натиском тело может обмякнуть. Доселе не испытываемая истома постепенно нарастала и вскоре мучительной болью отдалась в пояснице.

Цзы Янь, не зная, как отразить новую «атаку», хаотично выкрикнул:

— Хэ Ди! Про... проваливай... — Стыд и смущение, которые никогда ещё не приходилось испытывать, отняли силы, а потому ни сопротивляться, ни увернуться не представлялось возможным, тем самым подвергая себя ещё более грубому натиску.

— Вот уж действительно маленький девственник, стоило без стеснений поцеловать сосок, как тотчас же от возбуждения безостановочно задрожал. — Лежащий сверху мужчина приподнял лицо и, лукаво прищурившись, посмотрел на Цзы Яня.

По-прежнему удерживая руки генерала, он завёл их над головой, а свободной рукой развратно погладил поясницу.

— И впрямь, поясница слегка выгнулась.

Насмешливое поддразнивание заставило отчётливо почувствовать стыд.

Оказавшись в безвыходном положении, Цзы Янь встревожился, испугался и был озадачен: его поясница что, правда выгнулась? Генерал смутно понимал — это движение, безусловно, ничем хорошим не обернётся: неужели собственная решимость покинула его, не выдержав и одного натиска, как у тех слабовольных людей?

Хэ Ди, не давая возможности поразмыслить, скользнул ладонью по крепкой пояснице, а затем в сторону, перемещаясь к гладкому низу живота.

Прочитав в глазах Цзы Яня беспокойство, он шаг за шагом, цунь за цунем продолжил опускаться.

Поначалу генералу не верилось в происходящее, и он, затаив дыхание, терпеливо сносил все действия принца, но, когда пальцы забрались за пояс, не выдержал и открыл рот:

— Перестань! Ты...

Хэ Ди с нескрываемым любопытством взглянул на него, давая понять, чтобы Цзы Янь продолжил излагать свои мысли.

Вспомнив об ответственности, взваленной на собственные плечи, и какой непоправимый ущерб может нанести как государю, так и князю Мину, позволив эмоциям взлететь вверх, Цзы Янь

ослабил «боевую мощь», которую с большим трудом «поднял».

— Переодень, хорошо, только лишь переодень, — с трудом сглотнул слюну парень. — Не трогай того, чего не следует.

Лёгкая улыбка тронула губы, и, странно глядя сверху вниз, Хэ Ди надолго задержался на столь соблазнительном теле, заставляя Цзы Яня покрыться гусиной кожей.

Подобные ощущения, напоминающие волка, что прижал к земле зайца, вселяли унижение, страх и вместе с этим вызывали гнев. Хэ Ди приблизился, намереваясь губами коснуться его уха.

— А чего не следует трогать? — прозвучал злонамеренный вопрос.

— Ты... Хм. — Неловкость из-за насмешки сменилась гневом, и, подняв брови, что были вразлёт, генерал отвернулся.

На что Хэ Ди бесстыдно спросил, смеясь:

— Ты не говоришь мне, так как этот принц поймёт, что стоит трогать, а что — нет?

Понимая, что превратился в игрушку, мучить которую было одно удовольствие, Цзы Янь ещё сильнее разгневался. Но храброе сопротивление и ехидный ответ могли вызвать ярость в душе принца и уничтожить действующий договор. В итоге поразмыслив, всё, на что отважился генерал, — лишь закрыть глаза и крепко бескомпромиссно сжать губы.

— Ты молчишь, тогда я обязательно трону.

Пальцы, что уже пробрались в штаны, напоминали ядовитые клыки змеи, медленно скользящие в желании исследовать каждый цунь бедра.

— Здесь? Или... здесь?

Кожа под тканью казалась ещё горячее, показывая, насколько кровь мечника полна жизни и огня. Хэ Ди находил забавным молчаливое сопротивление своей жертвы: неопытные девственники вызывали симпатию в своих ошибочных суждениях — если сдвинуть бёдра, то разом всё прекратится.

Под тканью ладонь протиснулась меж ног.

— Здесь? Нельзя трогать именно это, м?

С каждым разом дыхание охваченного страхом Цзы Яня становилось тяжелее.

Хэ Ди представил, как плотно закрытые и так похожие на смоль глаза, где всегда читалась решительность, сейчас сверкают вторгшимся в них соблазнительным блеском.

Дыхание самого принца также постепенно учащалось. Ощущения под кончиками пальцев были слишком восхитительны, Хэ Ди не мог вообразить, что в мире существует такая на ощупь липкая, но вместе с тем незапятнанная плоть, которая, несмотря на мягкость, твердела, каждый её цунь наполнялся упругостью. В будущем этот член в возбуждённом состоянии наверняка одним видом сведёт с ума.

Реакция, вызванная такой лёгкой фантазией, не заставила себя долго ждать, и немедля орган самого принца болезненно напрягся, а брови сошлись на переносице.

Плохо дело, если сейчас такое возбуждение, то что будет немного погодя и что тогда делать? Клятва Хай Шэнь — не шутка. Забава с «противником» в итоге вышла боком, превратившись в собственные страдания. И впрямь нельзя поддаваться соблазну и распускать руки.

— Достаточно поиздевался? — не сдержавшись, выплюнул смущённый Цзы Янь, скрежеща зубами. — Если достаточно, то отпусти.

Над головой воцарилось необычное молчание.

— Ты полагаешь, этот принц не хочет отпустить? — последовавший ответ звучал несколько странно.

Цзы Янь задохнулся:

— Тогда почему всё ещё не убираешь руку?

Кончики пальцев прижимались ко внутренней стороне бедра, лишь одно небольшое движение — и можно было коснуться интимного места, вызванное подобными рассуждениями нестерпимое чувство охватило тело, вселяя необоснованный ужас.

Хэ Ди тоже скрежетал зубами. Сохраняя здравость ума, он понимал, что именно сейчас стоило придержать коней, пока не стало слишком поздно. Люди, ищущие заработок в море, слишком суеверны.

Ведь нарушившему клятву жизни следует остерегаться последствий, а если ещё прознает собственная банда, то существует риск восстания[14].

Однако в ладони, что накрыла пах Цзы Яня, ощущалась невообразимая нежность, которая

время от времени передавала принцу тепло тела, вызывая желание ощупать плоть немного глубже.

Сдерживаться? Но как это сделать? Как мог привыкший к роскошной трапезе человек, который в последнее время из-за поста находился на пороге голодной смерти, а сейчас внезапно учуявши аромат бесподобного лакомства, оставить без внимания[15] лежащий у его рта лакомый кусочек?

— Ты, в конце концов, отпустишь меня? — подняв голову, Цзы Янь бросил на Его Высочество взгляд, полный смущения и гнева.

Хэ Ди также силился сохранить самообладание, но даже злая улыбка, застывшая маской на губах, от этих жалких попыток скривилась в хищном оскале.

Пребывавший долгое время в оцепенении даньлинский принц внезапно заскрежетал зубами, свирепо вымолвив:

— Не отпущу! А если съем тебя, что с того? — Коварно прижавшийся к Цзы Яню принц схватил его за щеку, а после, сполна искусав и измучив, настойчиво впился в губы поцелуем.

— Умх! — Так как его впервые касались чьи-то губы, Цзы Янь сначала на какое-то время застыл от удивления, но вскоре, придя в себя, начал сопротивляться, всхлипывая при этом.

Немного вкусив заработанное огромными усилиями яство, Хэ Ди разве готов был отпустить?! Держа сомкнутые челюсти Цзы Яня, он вынудил генерала немного ослабить их, и язык принца, словно мягкий меч, попытался скользнуть в глубину.

— Открой рот. Откроешь? — Хэ Ди действовал грубо и жестоко, больше напоминая настоящего морского разбойника. И зло пригрозил: — Не послушаешься, тотчас же откушу тебе язык.

— Проваливай! Умх... Нет... — ощущение от скользкого тепла двух слегка прикоснувшихся к друг другу языков было насквозь пропитано развратом и похотью, Цзы Яня от неведомого доселе чувства словно молнией прошибло, заставляя тело забиться в безудержной дрожи.

Подобный глубокий поцелуй явно первый у этого соблазнительного мужчины.

Осознав это, Хэ Ди ещё больше распалился и впал в безумие.

Вынужденный разомкнуть челюсти Цзы Янь почувствовал, как нечто мягкое и гибкое, юркнув в рот, принялось сладко вылизывать и посасывать его. До сего дня не знавшее близости тело не понимало, как остановить такой остервенелый натиск, да и ноги вовсе обмякли.

Чем отчаяннее противился Цзы Янь, тем глубже становился поцелуй.

— Ты и впрямь сладкий...

Запах жаждущего близости мужчины заполнил комнату. Хэ Ди никогда в жизни не думал, что мужская слюна может быть настолько сладкой, каждый раз, стоило языку скользнуть по влажной и мягкой полости рта, глубина, словно ожив, робко трепетала, вовлекая в ещё более безжалостное вторжение, сопротивляться коему у Хэ Ди не было сил.

Неудержимо хотелось большего...

Тук-тук! Тук!

В решающий момент тяжёлый стук в дверь был подобен предостережению и сотряс душу, касаясь слуха. И голос Кун Лю раздался за дверью:

— Ваше Высочество, жена принца Цин Ли лично прибыла.

Благодаря внезапному внешнему воздействию охваченный стремительным безумием Хэ Ди вздрогнул и вдруг поднял как голову, так и верхнюю часть тела, а взгляд прояснился.

Воздух в комнате по-прежнему изобиловал недавнем исступлением.

Мужчина отпустил запястья. Цзы Янь, почувствовав удачу, что «путы» сброшены, сразу же заворочался, потом сел, сорвал висящий у изножья длинный халат и накинул на плечи, тем самым закрывая обнажённое тело.

Застыв на короткое время в молчании, он обернулся и бросил взгляд на Хэ Ди.

Неловкость и смущение, недавно охватившие разум, исчезли, а на их месте появилась всепоглощающая злость.

— Сейчас, — начал Цзы Янь, — я не могу обмануть ожидания князя Мина, и ничего другого не остаётся, я должен подчиняться твоей воле. Если хочешь, как раньше, излить свой гнев, давай, воспользуйся своим клинком. Но какое удовольствие в том, чтобы унижать меня подобным образом?

Искусанные губы распухли, щёки заливал румянец, а иссиня-чёрные глаза, как раз наоборот, сверкали, внушая трепет. Будь здесь кто-нибудь другой, может быть, в душе того человека родилась бы шелковинка стыда, но, к сожалению, как нарочно, попался Хэ Ди, который от природы имел скверный характер и являлся злодеем, потому ни о каком стыде речи не шло, более того, при виде такого всклокоченного генерала, наоборот, пах обдало жаром.

Разумеется, спешно подавив возникший порыв, принц двусмысленно вымолвил со смехом:

— Позже ты узнаешь, удовольствие это или нет.

— Ваше Высочество, жена принца Цин Ли уже заждалась, стоя у ворот, — вновь раздался голос Кун Лю, вероятно, слишком длительное время тянулось ожидание. При этом мужчине пришлось чуть повисить тон.

— Понял, — выкрикнул в ответ Хэ Ди.

Не излившееся желание ещё терзало душу. Хэ Ди не знал, то ли поблагодарить Кун Лю за своевременное вмешательство, или всё-таки разок задать хорошую трёпку. Глянув на по-прежнему напряжённого и настороженного Цзы Яня, Хэ Ди отыскал одежду, в которую изначально хотел облачить посланника, и, рассекая ею воздух, бросил ему.

— Надевай.

Но ответом было молчание.

— Ты, посланник князя Мина, неужели рассчитываешь раздетым по пояс встретиться с женой принца Цин Ли?

Только тогда Цзы Янь взял одежду и, повернувшись спиной к принцу, спешно переоделся. Обнажённая привлекательная спина скрылась под слоем ткани, прекрасный вид исчез, заставляя Хэ Ди в глубине души тяжело и протяжно вздохнуть. Вот только это к счастью, ведь благодаря этому его выдержка восстановилась хоть немного.

Цепким взглядом одарив мужчину, принц поднял уголки губ, расплываясь в лёгкой улыбке:

— В следующий раз этот принц всё-таки лично переоденет тебя. Но только если ты будешь покорно сотрудничать, этот принц, возможно, смилостивится и больше не станет трогать твоё тело, доводя до трепета.

Не обращая внимания на искажившееся лицо Цзы Яня, Хэ Ди направился к двери, распахнув которую встретился с по-прежнему находившимся там Кун Лю.

— Скореепусти принцессу Чан Лю, — отдал приказ Хэ Ди. — Эта принцесса осмелилась тайком за спиной собственного мужа объединиться с князем Мином, к такой женщине нельзя относиться пренебрежительно.

Примечания:

[1] 煽风点火(shānfēng diǎnhuǒ) — шань фэн дянь хо — «нагоняя ветер, разводить огонь», обр. заниматься подстрекательством, подбивать на плохое, разжигать страсти.

[2] Полная фраза звучит как «словно муравьи, попавшие на горячую сковороду», обр. в знач.: быть в крайнем волнении; не находить себе места.

[3] 老奸巨滑(lǎojiān jùhuá) — лао цзянь цзюй хуа — обр. старая лиса, в знач. пройдоха, мошенник, хитрая лиса, жулик.

[4] Имеется в виду Чан И.

[5] Образно в знач. «бесконечно счастлива и спокойна».

[6] Снова имеется в виду Чан И.

[7] Жена принца.

[8] 莺燕(yīngyàn) — инянь — на самом деле фраза переводиться как «иволги-ласточки», однако её можно перевести и как «гетеры; проститутки; куртизанки»; «иволги хорошо поют, а ласточки — танцуют» — вот почему данная фраза олицетворяет придворных певиц и проституток.

[9] Обр. о грации красивого человека.

[10] Имеется в виду обряд омовения.

[11] В оригинале фраза звучит как 的当(duìxiàng) — дуй сянь — что можно перевести не только как «цель\мишень», но и «возлюбленный\жених\парень».

[12] Обр. о жестоком, свирепом злодее.

[13] Обр. в знач.: одуматься пока не поздно, опомниться, остановиться вовремя.

[14] В оригинале фраза звучит как «подняться вместе и атаковать (врага)», обр. в знач. «подняться как один на ликвидацию» (напр. вредного явления, уклона).

[15] 视而不见(shì ruò wú dǎ) — шижоуду — «смотреть, но как будто не видеть», обр. смотреть как на пустое место, не замечать, не обращать никакого внимания, полностью игнорировать.